

АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ШАРАНДИН

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Российская Федерация)
sharandin@list.ru

ДИНАМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ*

Динамическая теория частей речи отражает взаимосвязь и взаимодействие мышления (сознания) человека и языка как репрезентанта этого мышления в коммуникативном процессе. Это позволяет вскрыть динамические процессы в системе частей речи и объяснить с когнитивных и коммуникативных позиций наличие у них системы дискурсивных форм, не входящих в классификацию частей речи. Традиционно части речи рассматриваются как классы слов, то есть первичной является связь части речи с понятием слова. В нашем понимании первичной является связь понятия части речи не со словом, а с типом речи, с характером восприятия действительности. Части речи – это элементы членимого типа речи. Членимость высказываний обусловлена включением в их состав слов как языковых знаков. Дальнейшее представление системы частей речи строится с учетом разграничения понятий «слово» (лексема) и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: «слово» (лексема) объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» – отношения между различными сторонами этого мира. Поэтому в классификацию частей речи формы слов не должны включаться. Они представляют собой когнитивно-дискурсивные образования одного слова, которые являются либо членами грамматических категорий, либо отражают взаимодействие частей речи в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: мышление, коммуникация, части речи, иерархия частей речи, динамический подход, когнитивно-дискурсивные формы глагольного слова

Как известно, теория частей речи связана с классификационным аспектом представления лексической системы того или иного языка. При этом, по мнению Е. С. Кубряковой, «распределение слов если и не диктуется существующим положением дел в мире, то во всяком случае с ним вполне согласовано. Это значит также, что классификации в языке хранят в себе черты *естественных* классификаций» [2; 88].

Несомненно, исследователи видят в распределении слов по частям речи определенную концептуальную соотнесенность с предметами и явлениями действительности, которые отражаются и объективируются в содержании слов не зеркально, а с учетом того, что это отражение пропускается через сознание человека и, естественно, оказывается в нем преломленным, но не настолько, чтобы представить отраженную действительность в полностью искаженном виде. Поэтому по отношению к частям речи Е. С. Кубрякова предлагает термин «когнитивно-дискурсивные категории». Она пишет: «Сталкиваясь с частями речи, мы сталкиваемся с особым речемыслительным феноменом, и если в одной части термина мы хотим подчеркнуть связанность частей речи с психическими, ментальными и познавательными процессами и в первую очередь – с определенными содержательными структурами знания, то другой частью термина мы хотим отразить созданность подобных

структур для их дальнейшего участия в актах коммуникации». В синтезе начал (когнитивного и коммуникативного) отражены, по мнению Е. С. Кубряковой, те факторы, которые действовали в генезисе частей речи и которые считаются главными для характеристики всей языковой системы» [2; 13].

В настоящее время в дискуссиях и работах о частях речи русского языка мы имеем *развитие* теории, связанное не столько с объектом исследования, сколько с «поворотом внимания к разным сторонам объекта», когда «происходит замена объекта исследования предметом описания» [1; 134]. В нашей статье речь идет об описании частей речи русского языка с позиций *динамического осмысления* классификационной работы нашего сознания или мышления (в рамках данной статьи понятия «сознание» и «мышление» строго не разграничиваются, хотя исследовательская ценность и значимость их разграничения в аспекте взаимосвязи с языком нами осознается (см. [3; 18–32]). Мышление (сознание), связанное с работой человеческого мозга, осуществляет процесс номинации (обозначения, называния) предметов и явлений окружающего мира, когда они выделяются и закрепляются в жизнедеятельности человека с помощью языка. Естественно, чтобы отразить многообразие и разнообразие этого мира, мышление должно быть динамическим по своей природе, обрабатывая поступающий в мозг ин-

формационный поток, отражающий познание действительности.

Итак, части речи как языковое явление не могут рассматриваться вне взаимодействия языка и мышления (сознания), поскольку они представлены такими единицами, как слова, которые признаются языковыми знаками. Но в этом случае мы не должны забывать о том, что есть *слово* и **слово**. Есть *слово* как своего рода аналог того объекта действительности, обозначением которого он является, и есть **слово** как единица языка, включенная в коммуникативный процесс.

В этом плане показательно отношение исследователей к статусу такой лексической группировки, как тематическая группа. Они отмечают экстралингвистическую направленность ее содержания и считают, что слова в ней оказываются своего рода «слепок», «фотографиями» тех или иных фрагментов действительности. Например, лексический состав тематической группы «Части человеческого тела» обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела. И собственно языковых (лексико-семантических) закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу нет [5; 62].

С этой точки зрения лексические значения, отражающие предметы и явления окружающего мира, оказываются его репрезентантами, имеющими аналоговую, логическую форму, содержание которой связано с отражением представлений и понятий об этих предметах и явлениях действительности. Лексические значения, будучи аналогами естественных объектов, в этом случае находятся как бы за пределами языка, за пределами слова как языковой единицы.

С другой стороны, лексические обозначения, сохраняя знания о действительности, оказываются тем способом передачи знаний о действительности, который имеет языковой характер, поскольку слова включаются в коммуникативный процесс, осуществляемый когнитивно-дискурсивным способом. Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разными типами высказываний), позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, изменить статус знака вообще (семиотический статус) на статус *языкового* знака как единицы общения. И это изменение статуса слова сопровождается соотносительностью языковой формы и значения, то есть слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы.

Таким образом, лексическая единица оказывается единством сознания (мышления), номинации (обозначения) и коммуникации (речевой деятельности). Причем сознание, представленное теми или иными ментальными (когнитивными) структурами, в отношении к номинации

использует фонетические (звуковые) и графические механизмы оформления мыслительного содержания, тогда как в отношении к речевой деятельности реализует дискурсивные (морфолого-синтаксические) способы оформления мыслительного содержания. В первом случае мыслительное содержание не есть еще собственно языковое значение слова, оно в большей степени логическое, аналоговое, а во втором – мыслительное содержание может рассматриваться как собственно языковое значение, как собственно лексическое значение, обусловленное включением в коммуникативный процесс.

При этом важно отметить, что включение слова в состав высказывания на правах того или иного его члена не делает слово коммуникативной единицей. Оно остается номинативной единицей, а не единицей сообщения. Однако его участие в сообщении позволяет отразить динамический характер человеческого сознания, которое в этом случае способно представить объективную действительность в виде взаимосвязанных и взаимодействующих денотатов тех или иных предметов и явлений действительности, что в конечном счете дает возможность успешно решать те или иные коммуникативные задачи, добиваться определенных коммуникативных целей. Это позволяет выполнять языку присущие ему функции – как основные (номинативную, коммуникативную и когнитивную), так и дополнительные (экспрессивную, эмотивную, прагматическую, фатическую и т. д.).

Важно также отметить, что сознание (мышление) присутствует и на этапе выполнения языком номинативной (семиотической) функции, то есть в функции обозначения (называния) того или иного предмета или явления действительности, и на этапе выполнения языком коммуникативной (речевой) функции, когда называемый словом объект действительности включается в коммуникативный процесс, где предстает уже в той или иной речевой форме.

Таким образом, можно выделить *две основные функции слова*: 1) собственно знаковую (аналоговую) функцию, которую можно назвать *когнитивно-семиотической*, и 2) собственно языковую (речемыслительную) – *когнитивно-коммуникативную* функцию, которая реализуется в виде того или иного когнитивно-дискурсивного образования, то есть в виде *слова* как грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленного языкового знака [7].

Теория частей речи, отражающая динамический характер нашего мышления и познания действительности, может в определенной степени характеризоваться как динамическая теория. При этом необходимо заметить, что, определяя языковую теорию динамической, важно увидеть собственно языковые процессы, позволяющие отразить и объяснить те изменения в анализи-

руемой системе, которые являются результатом взаимодействия ее единиц в коммуникативном пространстве человека. Именно на это нацелена динамическая теория частей речи русского языка В. Г. Руделева, где система частей речи предстает в виде оппозиций, показателями которых является нейтрализация. Применяемый в этом случае теоретико-информационный метод, основанный на анализе нейтрализаций, дает, по мнению исследователя, однозначный ответ на вопрос о маркированности / немаркированности элементов частеречных оппозиций [4].

В отличие от концепции динамической теории частей речи русского языка, представленной в работах В. Г. Руделева, в нашем понимании *первичной* является *связь* понятия части речи не со словом, а с *типом речи*, с характером восприятия действительности посредством высказываний в коммуникации, которая в этом случае может рассматриваться не только в качестве базового социального процесса, но и в качестве функциональной базы, позволяющей реализовать когнитивно-коммуникативные возможности речемыслительной деятельности человека, действия которого направлены на освоение и заполнение им коммуникативного пространства дискурсивными формами.

Человек в своем общении использует два типа вербализованных коммуникативных сигналов: во-первых, заполненные словами, вследствие чего высказывания оказываются членимыми (расчлененными), во-вторых, не заполненные словами как языковыми знаками, вследствие чего высказывания имеют нечленимую (нерасчлененную) структуру. Однако в языке человека нерасчлененный тип высказываний не является основным. Действительность чаще всего отражается коммуникативными сигналами расчлененного типа. Именно по этому типу общения язык определяется как *знаковая коммуникативная система* человека, что и отличает его от коммуникативной системы животных. Другими словами, наличие частей речи является *шифром*, позволяющим выявлять и описывать функционирование высказываний, заполненных словами, а их отсутствие – это показатель нечленимых, элементарных коммуникативных сигналов. Поэтому для нас *первичной* является связь понятия «часть речи» с особым типом речи, а не с понятием «слово». *Части речи – это элементы расчлененного (членимого) типа речи.*

Дальнейшее представление системы частей речи строится с учетом разграничения понятий «слово» (лексема) и «форма слова», поскольку их *функции* принципиально различны: «слово» (лексема) объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» – отношения между различными сторонами этого мира. Поэтому если мы будем связывать части речи через посредство слов с отражением действительности, то в клас-

сификацию частей речи формы слов не должны включаться. Это не означает, что формы слов не объективируют действительность. Они объективируют действительность, но их объективация вторичная, результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым способом – когнитивно-семиотическим. Другими словами, причастия и деепричастия, например, не должны включаться в классификацию частей речи, если будут признаваться формами глагола. Если же им придается статус самостоятельных слов (лексем), то в этом случае они включаются в собственно лексическую классификацию, в классификацию частей речи как классов слов.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным дать полное описание динамической теории частей речи в нашем понимании (подробно см.: [6], [8]). Здесь же, с учетом изложенного выше предмета описания частей речи как языкового объекта, отметим, что наличие частей речи как «когнитивно-дискурсивных категорий» (Е. С. Кубрякова) является результатом взаимосвязи и взаимодействия мышления (сознания) человека и языка как репрезентанта этого мышления в коммуникативном процессе. В связи с этим представляется неправомерным рассмотрение частей речи с чисто формальных (грамматических) позиций. Использование же слова в качестве когнитивно-семиотического знака, когда по существу исключается соотношение языковой формы и значения, приводит к лексической классификации частей речи. В том же случае, когда слово выполняет когнитивно-коммуникативную функцию, мы имеем семантико-грамматический подход в осмыслении системы частей речи. Именно в его рамках закономерно динамическое осмысление частей речи, обусловленное динамической природой нашего мышления и динамическим характером коммуникации.

Динамический подход позволяет не только увидеть эту взаимосвязь и взаимодействие, но и осмыслить систему частей речи русского языка не как их набор, не как совокупность частей речи, лежащих в одной плоскости, а как систему, имеющую определенную структуру, в которой отношения между частями речи могут быть определены как иерархические, что позволяет выявить место и значимость той или иной части речи в языковой и ментальной системе, а также те оппозиции, которые связывают части речи в их противопоставлении друг другу, тем самым позволяя описать процессы их взаимодействия в коммуникативном процессе. Это дает возможность вскрыть динамические процессы в системе частей речи и объяснить с когнитивных и коммуникативных позиций наличие у них системы дискурсивных форм, не входящих в классификацию частей речи.

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Госконтракт № 16.740.11.0547).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В. В. К принципам периодизации истории русского языкознания // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 649. Из истории славяноведения в России. 2. Тарту, 1983. С. 122–136.
2. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997. 331 с.
3. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы. М.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1997. 415 с.
4. Руделев В. Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 1996. Вып. 1. С. 83–89.
5. Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 191 с.
6. Шарандин А. Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов: ТГУ, 2001. 209 с.
7. Шарандин А. Л. Слово в аспекте знаковой теории языка // Слово и предложение. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 9–19.
8. Шарандин А. Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов: ТГУ, 2009. 587 с.

Sharandin A. L., Tambov State University (Tambov, Russian Federation)

PARTS OF SPEECH DYNAMIC THEORY AS REPRESENTATION OF INTERACTION OF THINKING, LANGUAGE, AND COMMUNICATION

Dynamic theory of the parts of speech system reflects interdependence and interaction between human thinking (reflection) and a language as a representation of this thinking during communication process. This helps to reveal dynamic processes in the parts of speech system and explain from cognitive and communicative viewpoints existence of the system of discourse forms not included into the classification of the parts of speech system. Parts of speech are traditionally looked upon as word classes, i.e. the initial one is a relationship between the part of speech and the conception of the word. In our understanding, the primary one is a relationship of the part of speech not with the word, but with the type of speech, with the nature of world perception. Parts of speech are elements of divisible types of speech. Divisibility of statements is conditioned by the presence of words as language signs in their structure. Further conception of the parts of speech system is developed by taking into consideration differentiation of concepts “word” (lexeme) and “word form” because their functions vary cardinaly: “word” (lexeme) objectifies reality, and “word form” – relations between various spheres of this reality. That’s why word forms shouldn’t be included into the classification of the parts of speech system. We consider them cognitive-discursive formations of one word, which are either parts of grammatical categories or represent interaction of various parts of speech in communication process.

Key words: thinking, communication, parts of speech, hierarchy of parts of speech, dynamic approach, cognitive-discursive forms of verbal word

REFERENCES

1. Kolesov V. V. To the periodization principles of the history of Russian linguistics [K printsipam periodizatsii istorii russkogo yazykoznaniiya]. *Uchen. zap. Tartuskogo un-ta. Iz istorii slavyanovedeniya v Rossii*. 1983. Issue 649. P. 122–136.
2. Kubryakova E. S. *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Parts of speech from the cognitive point of view]. Moscow, Institute of Linguistics Russian Academy of Science Publ., 1997. 331 p.
3. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. *Russkie agnonimy* [Russian agronymes]. Moscow, 1997. 415 p.
4. Rudel'ev V. G. Dynamic theory of parts of speech in the Russian language [Dinamicheskaya teoriya chastey rechi russkogo yazyka]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Tambov University Bulletin. Ser. the Humanities. Issue 1.]. Tambov, 1996. Issue 1. P. 83–89.
5. Tarlanov Z. K. *Methods and principles of linguistic analysis* [Metody i printsipy lingvisticheskogo analiza]. Petrozavodsk, 1995. 191 p.
6. Sharandin A. L. *Sistemnaya kategorizatsiya russkogo glagola* [Systemic Categorization of the Russian Verb]. Tambov, 2001. 209 p.
7. Sharandin A. L. Word in the aspect of the symbolic theory of a language [Slovo v aspekte znakovoy teorii yazyka]. *Slovo i predlozhenie* [The word and The sentence]. St. Petersburg, 2007. P. 9–19.
8. Sharandin A. L. *Russkiy glagol: kompleksnoe opisanie* [Russian Verb: Complex Description]. Tambov, 2009. 587 p.

Поступила в редакцию 18.10.2012